

спорно и положение об исключительности той роли, которую играли испанцы в окружении Феодосия I. В самом деле, в период его правления ключевую позицию в имперской администрации восточной части империи — должность префекта претория Востока — последовательно занимали: Фл. Неотерий (380—381), Флор (381—383), Постумиан (383); Матерн Кинегий (384—388), Татиан (388—392), Руфин (392—395)⁸. Из них Флор и Матерн Кинегий были испанцами. Из шести комитов *rei privatae* испанцами были двое: Небридий и Декстер⁹. За весь период правления Феодосия лишь один испанец (Флор) был удостоен поста магистра оффиций¹⁰. Должность префекта города Константинополя лишь короткое время (с января 386 по июнь 386 или 387 г.) занимал испанец Небридий¹¹. Существенно и другое: из тех испанцев, которые последовали на Восток за Феодосием, никто, в сущности, не задержался там надолго и не оставил своих корней, наличием и влиянием которых можно было бы объяснить дальнейшее укрепление там христианства. Политическая карьера Амелия Флора Патерна, сына Флора, префекта претория Востока в 381—383 гг., и при жизни Феодосия, и после его смерти была связана с Западом. В 393 г. он — проконсул Африки, затем после смерти Феодосия оказывается в Милане как важная фигура при дворе Гонория, в 396—398 гг. он — комит священных щедрот¹². Префект претория Востока 384—388 гг. Матерн Кинегий умер в 388 г., и его останки жена перевезла в Испанию (с. 110). Еще при жизни Феодосия умер и Небридий, префект Константинополя 386 г. От его недолгого брака с Олимпиадой, представительницей одной из богатейших фамилий Константинополя, детей, по-видимому, не осталось. Его сын от первого брака, носивший то же имя Небридий, умер молодым, оставив жену (дочь Гильдона Сальвину) с двумя маленькими детьми. Сальвина впоследствии стала активной сторонницей Иоанна Златоуста¹³, но испанкой она не была, и на ее образ мыслей мог воздействовать скорее великий проповедник, чем испанское окружение императора. Еще один испанец при дворе Феодосия — комит *rei privatae* 387 г. Нуммий Эмилиан Декстер — вскоре после смерти императора оказался на Западе и уже в марте 395 г. был префектом претория Италии¹⁴.

Итак, едва ли можно говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии испанцев на общество восточной половины империи.

С сожалением приходится констатировать, что в монографии Мэтьюза не учтены работы советских исследователей (В. И. Кузищина, Е. М. Штаерман, З. В. Удальцовой, М. Я. Сюзюмова, Г. Л. Курбатова, А. Р. Корсунского и др.), а также ряд трудов зарубежных авторов¹⁵.

А. А. Чекалова

G. R ö s c h. ONOMA ΒΑΣΙΛΕΙΑΣ. Studien zur offiziellen Gebrauch der Kaiser-titel im spätantiker und frühbyzantinischer Zeit. Wien, 1978, 180 S.

В основе монографии Г. Рэша лежит диссертация, представленная к защите осенью 1976 г. на философско-историческом факультете Гейдельбергского университета. Цель автора — дать обзор развития императорского титула «в официальном языке римско-византийской империи в период между Константином Великим и правлением Ирины» (с. 157). Труд Г. Рэша во многом восполняет пробел, существующий в византиноведении по данной проблеме, тем более что известные работы О. Зеека, Ф. Дэльгера, К. Бранди и Л. Брейе, имеющие к ней отношение, ограничивались, как правило, сбором соответствующего материала. Г. Рэш, пользуясь просопографическим методом исследования, справедливо считает собранный до него материал не-

⁸ Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge, 1971, p. 1051—1052.

⁹ Ibid., p. 1064, 520, 251.

¹⁰ Ibid., p. 1060—1061.

¹¹ Ibid., p. 1056—1057, 620.

¹² Ibid., p. 671—672.

¹³ Ibid., p. 799.

¹⁴ Ibid., p. 251.

¹⁵ См. указанные выше работы Арсака, Кастаньоля, Малжюса.

достаточным, а принципы его отбора — неудовлетворительными и посвящает первую часть книги составлению анкеты титулярных апеллятивов.

В анкете вычлениются четыре группы: 1) «функциональные титулы», 2) почетные именованья и апеллятивы, отражающие добродетели императоров, 3) триумфальные титулы и 4) христианские формулы в титулах. Г. Рэш привлекает наряду с формами титулов, содержащимися в документах и письмах римских и византийских монархов, также другие императорские именованья, если они носят официальный характер. Принцип, лежащий в основе такого членения, нельзя назвать узкоформальным, но рассмотрение исторического развития каждой анкетной «клеточки»-предиката почти не касается ее социально-сущностной основы. Например, под «функциональным титулом» Г. Рэш, следуя за Х. Вольфрамом, понимает любой титул, который приводит сам император или который прилагается к нему другими лицами, т. е. «каждый титул, который обозначает императора как такового или государственную должность, которой правитель обладает» (с. 29). Поэтому «функциональные титулы», в свою очередь, легко дифференцируются на понятия, обозначающие республиканские государственные должности, входящие в императорскую титулатуру (*pontifex maximus*, *consul* и т. д.), и на «функциональные титулы для обозначения императорского достоинства» (*Augustus*, *imperator*, *βασιλεύς* и т. п.), хотя — надо в этом отдать Г. Рэшу должное — изменение содержания предиката во времени фиксируется довольно скрупулезно. Привлечение для констатации этих изменений значительного историко-этимологического и историографического материала делает первую часть монографии хорошим справочником.

Уже на уровне анкеты Г. Рэшу, учитывая хронологическое значение и сферу применения титула, удается установить большую цепкость античных традиций в титуловании и известную перемену в «официальном языке» VI в., выразившуюся в более редком применении ранее общеупотребительных именованья императоров; в языке императорской канцелярии это фиксируется немного позже. Лишь Ираклий решительно рвет с позднеантичной титулярной традицией (особенно хорошо это показано на примере терминов, обозначающих императорское достоинство), но остатки былых именованья устраниваются только к концу VII в. Характерно, что, рассматривая историю каждого апеллятива, Г. Рэш стремится выдержать применение понятий *Selbstbezeichnung* и *Fremdbezeichnung*. Первое понятие, по мнению автора, присуще «в узком смысле официальным императорским титулам», приводимым главным образом в собственно императорских документах, указах и т. п., второе — титулам полуофициального характера (с. 20—21), сообщаемым монетами, надписями, актами соборов, письмами. Связывая указанные понятия с типами и, естественно, конъюнктурой источников, Г. Рэш все же не развивает такую типологию до уровня ее социального содержания. Поэтому уже в начале второй части монографии — «Die Intitulationen Kaiserlicher Schreiben» — само понятие «императорские документы» опять-таки носит формальную окраску: это — все виды письменных документов, которые составлены либо самими императорами, либо от имени последних (безразлично, официального, полуофициального или частного характера). В отличие от первой части своего труда, Г. Рэш исследует здесь развитие *intitulationes* в их совокупности от Августа до Ирины.

Делая подобный хронологический срез, автор не ограничивается обзором изменения комбинаций собственно античных титулов в I—начале VI в. Особенно важным представляется наблюдение Г. Рэша над вытеснением в *intitulatio* классических античных формул новыми и их сосуществованием при Константине I. Продолжая высказанную ранее (с. 45) мысль о замене в титуле Константина после победы над Лицинием предиката *invictus* апеллятивом *victor*, исследователь подчеркивает христианизированное содержание последнего (с. 79, 123). В основе своей «смещение» в императорской титулатуре «старого и нового» (с. 83, 157), подмеченное для правления Константина I, четко проглядывает в приводимых автором реалиях вплоть до Юстиниана I. Акцентирование Констанцием II внимания на понятии «вечности» применительно к императорской особе, отказ Грациана от титула *pontifex maximus* (чему Г. Рэш придает большое значение), введение в *intitulatio* понятия *inclitus* здесь ничего принципиально не меняют. Автор сам указывает на ограниченное социально-политическое звучание апеллятива *victor* (имевшего определенный вес для Валентиниана I, провозглашенного солдатами) и на нейтральность титула *inclitus*, в известной мере заменившего титул

pontifex maximus (ибо *inclitus* имел корни и в античной мифологии — как атрибут героев и в христианстве — как атрибут мучеников). В V в. все совершающиеся в титулатуре перемены, по Г. Рэшу, остаются в рамках созданного от Константина I до Грациана канона. Это наблюдение дает автору возможность предпринять своего рода «типологический срез» и выделить для V в. три типа титулов, «основные формы которых (курсив наш. — А. К.) относительно прочны», т. е. делать упор не столько на существенные признаки титулов, сколько на формально-комбинационные (с. 88—94). Здесь же Г. Рэш ставит вопрос о коротких титулах, широко известных по кодексам Феодосия II и Юстиниана I, и предполагает, что полный титул мог применяться в императорских документах, предназначенных для «общественности», а краткий — в юридических сборниках, имеющих иную цель (с. 98). Тем не менее все выделяемые типы титулов, по мнению автора, почти не имели пропагандистского, политического заряда вплоть до Юстиниана I (с. 100).

Не говоря о спорности такого положения, отметим вместе с тем правильность увязывания автором перемен в императорской титулатуре, совершенных при Юстиниане, с политической программой последнего. Очевидно, пропагандистские цели имели и *mansuetus* Юстина II (в противоположность «жестокости» его предшественника), и *pacificus* Тиверия (в связи с обострением внешнеполитической обстановки). Г. Рэш справедливо придает серьезное значение появлению универсального титула βασιλεύς и отказу от старой титулатуры при Ираклии. Другое дело, что если и говорить в связи с этим о крахе «в своих основах» «вековых традиций римской титулатуры» и ликвидации их остатков при Льве III (с. 107, 158), то звенья внутрититулярных комбинационных изменений VII—VIII вв. (в частности, «всплеск» античных эпитетов в титуле Юстиниана II) также следовало бы привязать к конкретно-исторической ситуации. Подобное изыскание было бы тем более логичным, что судьбу такого важного именованья, как βασιλεύς τῶν Ῥωμαίων, Г. Рэш не просто связывает с коронацией Карла Великого, но прослеживает в плане асинхронности появления титула на печатях, с одной стороны, и монетах — с другой.

Рассмотрение *intitulaciones* в совокупности и на большом хронологическом отрезке позволило автору сделать интересные источниковедческие наблюдения в очерке об императорском титуле в *Constitutum Constantini*, а именно предположить в качестве образца для этого титула именованья, содержащиеся в документах византийской канцелярии 565—582 гг. и *Collectio Avellana*.

В третьей части монографии рассмотрено употребление императорского титула на монетах, печатях, в датах документов и актов, а также в письмах. Специфика каждого вида названных источников влияла на форму титулатуры — об этом автор говорит еще во «Введении». В силу данного обстоятельства указанные источники содержат в сравнении с официальными документами лишь вспомогательный материал. Предлагаемый Г. Рэшем обзор титулатуры, представленной, например, на монетах IV—VIII вв., опять-таки приводит автора к необходимости связывать ее с нюансами политического характера; это — и формулировка *victoria Augusti* на монетах Фоки, отражающая его «волю к единоличной власти», и термин *victor* на солидах Тиверия, при котором актуальным вопросом была пропаганда борьбы с персами, и титулы на монетах Льва IV, показывающие его стремление легитимировать династию (с. 130—131, 133). Та же проблема возникает при обзоре титулатуры императоров, отраженной датами документов и актов 537—800 гг., но Г. Рэш касается ее в той же мере, в какой давал свое объяснение политической пропаганде Юстиниана I (ср. с. 101—102, 130, 136). Что касается титулатуры в письменных обращениях к императору, то автор делит их на исходящие от подданных-византийцев, с одной стороны, и от иностранных государей — с другой. Правда, если формы обращений второго типа, по Г. Рэшу, отражают какую-то политическую ситуацию (например, разницу в отношениях к Византии Тевдебалда и Хильдеберта II), то обязательно ли урегулирование титулярных обращений самих византийцев предусматривало статичность внутримперской конъюнктуры? Приведенный свод титулов-обращений внутримперского происхождения (с. 144—154) может, на наш взгляд, служить источником для исследования такого вопроса.

Автор не всегда решает поставленную во «Введении» задачу — исследовать не только происхождение титула, но и его значение в какой-либо политической ситуации

(с. 22). И в этой связи хочется сделать еще одно замечание. Затронутый хронологический период Г. Рэш считает «эпохой перехода от римского к византийскому государству, перехода, который в те столетия. . . осуществлялся во всех сферах общественной жизни» (с. 157), причем характер этого перехода, отражающегося и в идеологических переменах, — сугубо эволюционный (ссылка на «принципиальные» изменения в титулатуре Грациана, Юстиниана I и Ираклия здесь мало что меняет). С другой стороны, в монографии практически не рассматривается влияние на *intitulatio* со стороны отдельных групп населения империи: как правило, титул — творение императоров и их канцелярии (с оглядкой на внешнюю политику и христианизацию), и в восприятии его общественное мнение в основном пассивно (см., например, с. 49—59). Не отрицая огромного влияния правящих групп и официальной доктрины на характер титулатуры, мы считаем необходимым также учитывать совокупность идейно-политических и — главное — социальных факторов.

А. С. Козлов

Actes de Kastamonitou. Edition diplomatique par Nicolas Oikonomidès. Texte et planches (=Archives de l'Athos, IX). Paris, 1978.

Одно из наиболее значительных начинаний в зарубежной византистике — систематическое издание актов из архивов афонских монастырей — продолжает успешно осуществляться: перед нами уже девятый том этой серии, посвященный архиву монастыря Кастамониту. Он подготовлен к публикации Н. Икономидисом, отлично зарекомендовавшим себя образцовым изданием актов Дионисиевского монастыря (ему же предстоит в сотрудничестве с Ж. Лефором подготовить к изданию акты Ивирского монастыря и в сотрудничестве с Е. Зизика — акты Дохиарского монастыря).

По сравнению с предыдущими томами серии этот выпуск отличается скромным объемом вследствие крайней скудости дошедших до нас материалов архива Кастамонитского монастыря. Дело в том, что почти все материалы архива, которые датировались временем до XV в., погибли в результате пожара в 20-е годы XV в. (сохранившиеся единичные документы публикуются). Всего в томе опубликовано восемь подлинных документов, из которых самым ранним является акт прота Феофилакта от 1047 г., а самым поздним — акт прота Савы от 1513 г. Между ними документы располагаются в такой хронологической последовательности: 1310 г. — акт прота Феофана, 1317 г. — акт прота Исаака, 1333 г. — акт прота Исаака, 1362 г. — акт прота Дорофея, 1426 г. — акт патриарха Константинопольского Иосифа II, 1471 г. — акт прота Даниила. За исключением акта Феофилакта, который опубликован по копии XVI в., все остальные — оригиналы, и все они публикуются впервые. Кроме того, публикуются документы, включенные издателем в три приложения, из которых первое содержит пять подложных документов (подделка акта прота Исаака от 1333 г., подделка хрисовула Иоанна V Палеолога предположительно от 1363 г., подделка хрисовула Мануила II Палеолога от 1407 г., начало и конец грамоты патриарха Иеремии II от 1579 г., подделка акта патриарха Иосифа II от 1426 г.), второе — легендарный рассказ о монастыре Кастамониту, третье — хранящийся в Кастамоните в негативе на стеклянной пластинке акт прота Игнатия от 1483 г., подлинник которого находится в архиве Зографского монастыря.

Незначительное число публикуемых документов позволило объединить в одном томе и тексты и фотокопии, хотя наряду с выгодами это создает и некоторые неудобства в пользовании ими: читатель лишен возможности положить рядом изданный текст и фототипическое воспроизведение документа и сличить их. Приходится также с сожалением констатировать, что плохая сохранность документов и невозможность для издателя обеспечить их фотографирование в инфракрасных лучах обусловили плохое качество некоторых фотоснимков: многие из них совершенно нечитабельны. Тем более мы должны быть благодарны публикатору за его большой труд по установлению текстов документов на основе многократного обращения к подлинникам. Одно только замечание: можно понять и принять принципы издания, которые предписаны рамками серии и которые предусматривают адекватное воспроизведение издаваемых текстов со всеми их особенностями вплоть до воспроизведения орфографиче-